

★
АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ
ВАЙНЕРЫ

**Райский сад
дьявола**

ЖАН
РЫ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В14

Серийное оформление и компьютерный дизайн
Анастасии Орловой

Художник *Виктория Лебедева*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Вайнер, Георгий Александрович.

В14 Райский сад дьявола : [роман] / Георгий Вайнер. —
Москва : АСТ, 2015. — 448 с. — (Собрание сочинений
А. и Г. Вайнеров).

ISBN 978-5-17-088788-0

Они — «Дивизион». Секретная оперативная группа по борьбе с
организованной преступностью.

Профессия этих людей — расследовать самые сложные, самые
невозможные дела. Однако на этот раз распутывать приходится на
просто убийство при загадочных обстоятельствах, но — смерть од-
ного из своих.

Знаменитый роман Георгия Вайнера, одна из знаковых книг «ну-
левых» годов!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088788-0

© Вайнер Г.А., наследники
© ООО «Издательство АСТ»

Видел я трех царей. Первый отругал мою няньку и снял с меня шапку за то, что не поприветствовал его. Второй сослал меня в две ссылки. С третьим стараюсь подружиться. Не дай Бог... идти моим путем и ссориться с царями.

А.С. Пушкин (из письма к жене, 1834 г.)

ПРОЛОГ

ПРОГНОЗ НА ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

— Жди! — доброжелательно-снисходительно сказал мне помощник министра Коновалов и еле заметно подмигнул, чуть смежив пронзительное око ласкового нахала и неукротимого прохиндея. Вообще-то ему здесь не место — Коновалова надо содержать в Парижской палате мер и весов, где он с одного взгляда безошибочно определял бы удельный вес визитеров, их ценность и вектор карьерного движения — вверх или вниз.

— Не знаешь — ждать долго? — спросил я.

— А кто ж это может знать? — засмеялся Коновалов и кивнул на министерскую дверь. — Не царское это дело — поверять нам, винтикам-болтикам, свои тайны... Ты тут лишнего не отсвечивай, иди покури пока, я тебе свистну...

Коновалов отправился в кабинет министра, и на лице его были одновременно запечатлены державная озабоченность и готовность выполнить любое задание родины. Или его шефа. Этакая усталая и бодрая скорбь всеведущего столоначальника — «счастливые столов не занимают!». Сейчас он будет подъелдыкивать при решении моей судьбы. Наверное, это и есть царское дело — решать чужие судьбы.

А я отправился погулять в коридор, уныло раздумывая о том, что ни одного царя видеть мне не довелось. Зато я знал двенадцать министров. Честное слово! Двенадцать министров внутренних дел. Ох, недюжинные были ребята!..

Я вспоминал их, глядя на огромную гранитную стелу в небольшом холле, как бы мемориальной прихожей перед приемной министра. На полированном винно-красном лабрадоре были узорно выведены золотыми письменами их незабываемые имена. Конечно, имена не только этих двенадцати

всегда чем-то разгневанных мужчин, которых я знал лично, а всех пятидесяти восьми верховных охранителей общественного порядка в нашей беспокойной державе за последние двести лет.

Начиная с Виктора Павловича Кочубея, заступившего на боевую вахту в сентябре 1802 года — внука того самого знаменитого Кочубея, на которого так ловко слил компромат коварный и сластолюбивый гетман Мазепа. Пришлось тогда нашему крутому и мнительному государю Петру Алексеевичу замочить Кочубея наглухо — не министра, конечно, а его деда, который был богат и славен, хочь убей. Потом царь, естественно, очень огорчился, что подверг своего верноподданного полковника необоснованным репрессиям, даже через комиссию по реабилитации выхлопотал ему полное оправдание, да только голова не шапка — снявши, не веротишь.

Вот и пошло с тех пор, поехало! Выяснилось неожиданно, что для такой нормальной штуки, как поддержание правопорядка в стране, а попросту говоря — проживания людей в мире и согласии, да еще при полном благоволении во человецех, надо валдохать народонаселение по-черному, и совершенно нет никакой возможности поддерживать этот долбаный общественный порядок без кнута и плахи, без острогов и расстрелов, без стукачей и держиморд!

И министры наши, знатоки внутренних органов Российской империи, главные генерал-полицмейстеры, души голубиные, взяли на себя эту ношу неподъемную. Совестью порадели, и умом потрудились, и сердцем намаялись они, работая с людишками нашими каторжными, которых и дубьем по башке не отучишь пить, воровать, бесчинствовать и душегубничать.

Но за короткий срок — всего-то век с небольшим — выяснилось, что в конструкции этого манкого вожделенного кресла, щедро декорированного золотом погон, сиянием орденов, суетой холуев, денежным достатком и громадной, просто ни с чем не сравнимой властью, заложен какой-то страннный, подлый, противный порок — оно существовало по законам балаганного аттракциона «Колесо смеха». Всегда вначале было почетно, приятно и весело, но каждый день колесо крутилось все быстрее, и на его скользкой от крови и слез горизонтали все труднее было удержаться — сановник неостановимо спол-

зал к окраине вертящегося политического круга, к пропасти, позору, гибели и забвению, и не за что было уцепиться, и веселое колесо страшного бытия незаметно и неостановимо перемалывало смех в плач.

То грозная царская опала, то бомбы народовольцев, то ворошиловский стрелок Богров превращает оперный театр в учебный тир. И дольше века длилась эта жуть — пока не пришла, слава Богу, советская власть!

Тут министров — царских сатрапов, кровавых палачей, oprичников проклятых — срочно переименовали в народных комиссаров. И они, народом вознесенные и призванные все тот же долбаный общественный порядок поддерживать, наконец-то хоть душой отдохнули — никакой неопределенности, никаких тайн бытия и загадок туманного будущего. Они об этом и не помышляли, как камикадзе о персональной пенсии. Дело было поставлено надежно — каждого министра должно было со временем убить как врага народа.

Ничего не попишешь — лес рубят, как говорится, шепки летят. Наверное, наркомы ошибочно предполагали, что на этой внушительной лесосеке они и есть героические лесорубы, а полет шепок, за которыми уже и самого леса стало не видно, и есть воплощение общественного порядка, которого почему-то наше трудное несговорчивое население по-прежнему не хотело придерживаться. Песню даже придумали популярную: «Э-ге-гей, привычны руки к топорам!..»

Смешно — гранитная плита на паркете, золотые письма на ней, последнее упоминание о старательных министрах — железных дровосеках. Какое пафосное надгробие, какой величавый памятник людям, у которых нет могилы, нет праха, чьи имена прокляты.

Ягода (Ягуда) Генрих Григорьевич.

Ежов Николай Иванович.

Берия Лаврентий Павлович.

Его партии пришлось одернуть, строго покритиковать и, мягко намекнув на некоторые заблуждения, тоже — извините! — расстрелять. После Берии министров больше не казнили. Конечно, в тюрьму — при некоторых нарушениях — это запросто! Или если решил сам на себя руки наложить, с перепугу там или от угрызений совести — пожалуйста! Вольному — воля, спасенному — не скажу чего...

Короче, у меня, веселого, жизнерадостного лейтенантика-идиотика, принимал присягу уже великий министр — Николай Анисимович Щелоков. Он просидел на своем месте шестнадцать с половиной лет — почти столько же, сколько потом довелось всем вместе его одиннадцати преемникам и местоблюстителям.

Всю эту недобрую дюжину дюжих крутых мужиков я видел в разных обстоятельствах и ситуациях, я слышал и слушался их, я выполнял их государственные приказы и личные указания, они поощряли меня или давали строгий укорот, они вершили мою судьбу, указывая мне, где и каким образом я должен укреплять правопорядок в стране. И за ее пределами.

И я укреплял.

Наверное, у меня мания величия, но я утверждаю, что двенадцать министерских карьер вместились в мою куцую и неубедительную служебную биографию. Но главная глупость сиюмоментного моего стояния перед мемориальной стелой в том, что последней строчкой в том златорубленном списке должно было сиять мое имя! Совсем недавно мне это твердо обещал мой друг — всемогущий магнат Серебровский. Это было два министра назад. Он так и сказал — следующим будешь ты!

Правда, он не поинтересовался тогда спросить, что я думаю по поводу такого роскошного предложения. И правильно сделал — кто же это в здравом уме и твердой памяти не захочет порулить общественным порядком на одной шестой суши?

Но не получилось. Как говорится, факир был пьян — и фокус не удался. Кризис, дефолт, падшие, как девушки, правительства. Бегство капитала, который бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от российского двуглавого орла. Все смешалось в доме Обломовых — кони, люди, реформаторы и коммуняки. Крах, обвал, завал, полный отпад.

В сухом остатке: Серебровский — в каких-то заоблачных, плохо просматриваемых финансовых эмпиреях, я — в мемориальном предбаннике, а в кабинете министра — абсолютно другой, не я, малознакомый и строгий мужчина. Не знающий, к счастью, что в его кресле сейчас должен был бы сидеть я. Он бы мне тогда показал кузькину мать!

И Коновалов, демонстрирующий министру высший уровень почтительности — он шаркает обеими ножками сразу, — слава те, Господи, тоже не знает, что мог бы сейчас быть моим помощником. А то бы не говорил мне товарищески-грубовато, přátельски-хамски:

— Ну, давай шагай... Можно...

«...Я, Ордынцев Сергей Петрович, 1962 г. рождения, подполковник милиции, общий стаж службы 21 год 4 месяца 12 дней, откомандированный на должность старшего офицера Управления криминальной разведки Международной организации уголовной полиции (Интерпол), прошу уволить меня из органов внутренних дел...»

Министр неодобрительно хмыкнул и спросил недоверчиво:

— Каким же это макаром ты себе такой стаж накачал? Тебя что, в милицию сыном полка взяли?

— Пасынком, — смиренно ответил я. — А стаж мне кадровики накачали — за участие в боевых действиях в Афганистане. Про нас, ментов-афганцев, был специальный приказ вашего предшественника министра Бакатина... Давно это было...

— Угу, — покивал он значительно державно-государственной головешкой. — Помню, помню... Но дать тебе, Ордынцев, пенсию по боевой травме не могу — у тебя инвалидности нет... Не обессудь...

Тут и я вздохнул тяжело, а молвил мягко:

— Ну, не можешь — не надо... Я понимаю, тебе порядок нарушать нельзя... Раз не полагается, значит, обойдусь как-нибудь... Ты это не бери в голову...

Он от удивления глаза выпучил — с того дня, как он впервые перешагнул порог этого кабинета, никто не сказал ему панибратского «ты». Великая привилегия сановника говорить всем «ты», твердо зная, что «я» — это «мы», что меня — много, что «я» — держава, власть, сила, и обращаться ко мне надлежит только на вы, и любая попытка «тыканья» есть не просто нарушение субординации, а оскорбление национального достоинства и покушение на государственный престиж.

Покачал он головой и сказал удивленно:

— А мне звонили о тебе достойные люди... Сказали, что ты неплохой парень... Толковый...

— Люди — злы! Обманули... — вздохнул я.

— Ладно! — махнул он рукой. — Последний вопрос — что ты можешь сказать об обстоятельствах убийства жены Александра Игнатьевича Серебровского?

— А что я могу сказать? Я ведь там случайно оказался! — развел я беспомощно руками. — Когда я приехал, она уже была мертва...

— Я понял, — снова кивнул он. — А Константина Бойко кто вывез отсюда?

— Кота? Бойко? — безмерно удивился я. — Откуда мне знать? На месте убийства я видел его мельком... Но там такая кутерьма была, что я сразу потерял его из виду... Больше Бойко я не видел, где находится — не знаю. И он мне ни разу с тех пор не звонил...

— Я понял, — опять повторил министр и долго задумчиво смотрел на меня. Потом сказал ровным голосом: — Подпиши заявление, проставь дату...

Я расписался и число поставил, протянул лист, прикрыл глаза, скрестил под столом пальцы и молча завопил: «Господи Всемогущий! Сделай так, чтобы это было последним распоряжением по службе! Я ведь отдал ей всю свою непутевую, бестолковую жизнь!»

И ничего не услышал в ответ. Сыто сопел кондиционер, поскрипывало золотое перо в руке у министра.

Зачем он меня вызывал? Взглянуть лично на отвязного дурака, за которого ходатайствуют невероятно достойные люди? Боюсь, мне этого не узнать никогда. Да и не нужно мне это теперь.

Левый угол моего заявления перекрыла размашистая косяя резолюция: «Вывести за штат, с сохранением в действующем резерве».

— А я думал — «с наслаждением!».

— Что — с наслаждением? — не понял министр.

— Резолюция на рапорте об увольнении... Одному знакомому написали...

— Свободен! — коротко, душевно, исчерпывающе сообщил министр.

Вышел я оглушенно в приемную, и Коновалов, наверное, впервые в жизни промашку сделал — радостно, с ожиданием спросил:

— Как? Что сказал?

— Сказал, что я свободен...

* * *

РОССИЯ, МОСКВА, МВД РФ, 16 СЕНТЯБРЯ 1998 г.

УПРАВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ АППАРАТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Доступ к делу разрешен:

Министру внутренних дел России.

Начальнику Управления

собственной безопасности.

Инспектору-куратору Управления.

Справка особого учета и проверки
служебно-должностного и личного поведения
на

ОРДЫНЦЕВА СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА.

Справка составлена по указанию

Министра внутренних дел РФ.

Изготовлена в одном экземпляре.

Ордынцев Сергей Петрович родился 12 февраля 1962 г. в г. Нью-Йорк (США) во время долгосрочной заграничной командировки его родителей по линии Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Советской Армии. Отец Ордынцева С.П., полковник ГРУ Ордынцев П.Н., работал в Соединенных Штатах Америки в торговом представительстве СССР, а затем в составе консульской группы Постоянной миссии СССР при ООН с июня 1960 г. по март 1969 г., после чего был отозван в Москву и переведен на другую работу. В том же году брак с гр-кой Ордынцевой Н. А. он расторг и участия в воспитании сына Сергея не принимал, ограничиваясь выплатой алиментов.

С.П. Ордынцев окончил Высшую школу милиции МВД СССР в 1982 г. Последовательно занимал должности инспектора, оперуполномоченного уголовного розыска 83-го отделения милиции, зам. начальника отдела уголовного розыска Фрунзенского райотдела милиции г. Москвы.

В 1988 г. С.П. Ордынцев был откомандирован для выполнения спецзадания в Узбекистан, а затем в Афганистан, по завершении которого был возвращен на должность ст. оперуполномоченного Главного управления уголовного розыска МВД СССР в 1991 г.

Принимал активное участие в операциях по перехвату больших партий наркотиков и особо ценной контрабанды из Афганистана в страны Западной Европы через территорию СССР и борьбой с коррупцией в верхних эшелонах власти в Таджикистане и «генеральской группой» в Герате (Афганистан).

В 1992—1995 гг. возглавлял в составе Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД России особое подразделение, именуемое «Дивизион». Функции «Дивизиона», его статус и задачи перечислены закрытым приказом министра внутренних дел России от 8 апреля 1992 г.

В 1995—1998 гг. был откомандирован на работу в штаб-квартиру Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в г. Лион, Франция. В Интерполе специализировался на борьбе с международной организованной преступностью. Владеет свободно английским, бегло говорит на французском языке. Иностранные языки усвоены в детстве во время проживания с родителями в США и закрепились, по-видимому, матерью — преподавателем английского языка.

В августе 1998 г. С.П. Ордынцев был отозван из Интерпола и выведен за штат министерства в связи с невыясненными обстоятельствами гибели гражданки Серебровской Марины Алексеевны. По устному указанию министра внутренних дел РФ служебного расследования в отношении С.П. Ордынцева не производилось.

Подполковник С.П. Ордынцев — сильный и грамотный работник. Процент раскрываемости преступлений, разрабатываемых его группой дел, был стабильно высок. Ордынцев располагает плотной и эффективной сетью агентуры. Агенты работают на него под угрозой компромата, за материальное вознаграждение и на «деловых связях».

Подполковник С.П. Ордынцев имел два строгих выговора в приказах и устное предупреждение об отстранении от

должности за различные нарушения, допускаемые им лично и его сотрудниками в работе.

С.П. Ордынцев женат, но, по имеющимся сведениям, с женой не живет. Имеет ребенка, сына Василия девяти лет. В настоящее время семья Ордынцева находится во Франции, в г. Лион — по месту последней службы мужа. Жена, Разлогова Ирина Константиновна, 1966 г. рождения, до командировки мужа в Интерпол преподавала литературу и русский язык в 6—7 классах школы № 610 г. Москвы. Разлогова — морально выдержана, характеризуется администрацией, соседями и агентурой положительно.

Поведение Ордынцева регулярно проверялось надзорными службами Управления собственной безопасности МВД — периодическим телефонным аудиомониторингом и наружным наблюдением.

По имеющейся информации, Ордынцев в настоящее время сожительствует с гр-кой Остроумовой Еленой, 1975 г. рождения, сотрудницей аппарата холдинга «РОССИЯ». Связи С.П. Ордынцева с другими женщинами не установлены. Вне работы много употребляет алкоголя, пьянеет медленно. По сообщениям «смежных» агентов, внеслужебных связей практически не поддерживает, профессиональных разговоров вне работы не ведет никогда. Компрометирующих контактов не зафиксировано.

По донесению агента «Селиванова», хорошо играет во все виды карточных игр, но играет очень редко и всегда выигрывает, с точки зрения агента — за счет знания шулерских приемов. Достоверность донесения проверить не представилось возможности.

Имущественно-накопительских интересов не проявляет, хотя хорошо разбирается в дорогих произведениях искусства, антиквариате и монетарно-ювелирном золоте.

Физически подготовлен хорошо, владеет основными системами рукопашного боя. Имеет шесть пулевых ранений, однако инвалидность оформлять отказался. Военно-медицинской комиссией признан к прохождению службы годным.

Награжден орденами «За личное мужество» (1994 г.), Красного Знамени (1990 г.), Красной Звезды (1989 г.), многочисленными медалями и знаками отличия.

С.П. Ордынцев агрессивен, характер — замкнутый, скрытен. Лично честен, порочащих его моральных фактов не имеется. В общении с людьми груб и высокомерен, с начальством — дерзок, по отношению к подчиненным требователен до жестокости. Необходимо отметить его ненависть к служебной субординации, неумеренное самомнение, регулярно выражаемое в крайне неуважительных выражениях в адрес руководства министерства и всей страны.

Резюме:

Подполковник С.П. Ордынцев является высокоэффективным оперативно-розыскным работником.

Однако он морально негибок, трудноуправляем в сложных этических обстоятельствах и для выполнения особо конфиденциальных заданий непригоден.

Инспектор-куратор УСБ МВД РФ
подполковник внутренней службы
Г. Коренной

Я не уверен, что всякий мужик слышал от своей жены озаренные страстью, придушенные волнением слова: «Как я тебя люблю!» Но нет на земле супруга, которому однажды нежная спутница жизни не сказала бы проникновенно: «Ты сломал мою жизнь...» Супружеская верность подобна воинской присяге — она пожизненна, непрерывна, и никакие объяснения по поводу преходящести чувств, времени да и самой нашей жизни не рассматриваются в принципе.

Еще не дослушав меня, Ира сказала патетически-печально:
— Ты сломал мою жизнь...

По телефону я слышал, как в ее голосе сочится влага, сырая вода булькает в носу. Я знал, что это ненадолго. Сейчас она передохнет, освоится с ситуацией, и пламя гнева бесследно высушит эти незначительные осадки.

— Значит, я так понимаю — тебя вышибли с работы, а ты вышиб меня с ребенком! Так я понимаю, дорогой мой перпетуум-кобеле?

— При чем здесь работа? — удивился я. — Я подал рапорт об отставке сам...

— Но я рапорт об отставке тебе не подавала! — крикнула Ира. — Ты думаешь, я не знаю, что ты завел себе бабу? Молодую длинную суку!..

— Остановись, Ира, — смиренно попросил я. — Не нужно это...

— А что нужно? — все сильнее заводилась она. — Угрожала целую жизнь на морального уroda! Даже разойтись с женой по-людски не может! Это ты, проходимец, неплохо придумал — по телефону разводиться! Он меня по телефону уведомляет! По междугородке! По международной! Жизнь у него зашла в тупик, видите ли! А ты обо мне подумал? Ты о нас с Васькой подумал, когда в койку со своей подстилкой укладывался? Твой тупик у нее между ног кончается!!!

Моя жена Ира — гений скандала. Она знает массу изысканных поворотов для усиления душевных травм, она — виртуоз форсирования обид, маэстро обертонov ссоры. Но сейчас она кричала без души — она отработывала номер, она знала, что мы не скандалим и не ссоримся, как это происходило тысячу раз в прежней жизни.

Мы расходились. Разошлись. Разъединились. Мы перестали давно быть единой плотью, мы отделились. Похоже, навсегда. Мы уже давно чужие.

Я положил трубку аккуратно на диван — она гулко бурчала, подпрыгивала от Иркиной ленивой равнодушной ярости, а сам пошел к буфету, налил виски в толстый стакан, бросил пару кусочков льда, отрезал себе половинку лимона, прихлебнул, закусил и покорно вернулся на место телефонной экзекуции. Сейчас главное — не мешать ей укрепиться в роли безвинной жертвы, выходящей горестно и достойно из жизненной катастрофы, в которую она ввергнута моим бытовым идиотизмом и патологической похотливостью. Страдательный залог.

Вообще-то я и сейчас к ней хорошо отношусь. Она неплохая, веселая баба. Чужая. Хорошо бы, конечно, предложить ей остаться друзьями. Это ведь действительно замечательно — и дальше дружить с неплохой, веселой, чужой бабенкой, с которой у тебя есть сын. Только предлагать боязно — убьет! Сейчас, по ее нехитрой драматургии свары, мы не должны оставаться друзьями, а обязаны расставаться врагами. Как можно не быть врагами — с вероломным гадом,